

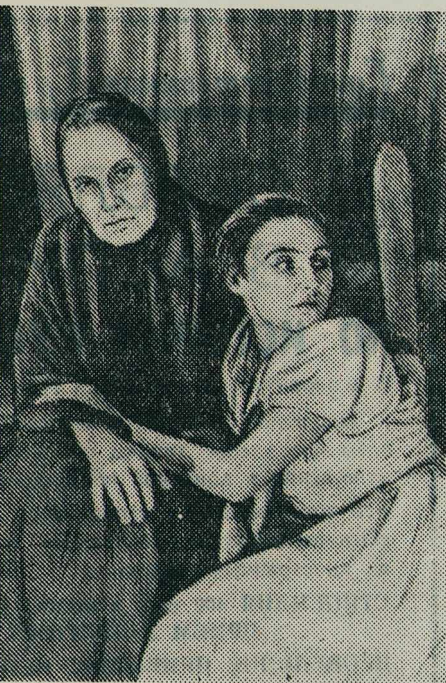
Роксанова

Приехали актеры Камерного театра!

Пока сгружают декорации, мы вспоминаем Москву, Тверской бульвар, верхнее фойе Камерного театра, где стоит карта его гастролей. Берлин, Прага, Париж, Брюссель, Буэнос-Айрес, Монтевидео... Гастроль по советским городам. Теперь — путь на Восток.

Кто приехал? Перебираем знакомые и незнакомые фамилии, и вдруг — Роксанова! Мария Людомировна? Чайка? Все же, возраст...

Оказывается, М. Л. Роксанова сама провела дирекцию на все время пребывания театра на Дальнем Востоке оставив ее в передвижной группе. Эта передвижная

«Не было ни гроша, да вдруг алтын» А. Н. Островского. Передвижная группа Московского Камерного театра под руководством А. З. Богатырева. Режиссер В. И. Новиков. Анна Тихоновна — М. Роксанова, Настя — Э. Гусева

Фото А. Рогинского

группа путешествовала в двух своих вагонах девять месяцев, побывав в Тихоокеанском флоте, в 1-й и 2-й особых армиях, в Забайкалье.

Перед тем как смотреть «Очную ставку», автор этих строк перечитывал «Чайку», чтобы хоть в воображении увидеть Ницу Заречную — Роксанову.

Последнее объяснение с Треплевым, Ница, растоптанная Тригоринным, уезжает навсегда, чтоб отдать себя искусству...

Прошло больше сорока лет. Мы ничего не знаем о дальнейшей судьбе Ницы Заречной, но с Роксановой встретились у восточной границы.

В зрительном зале сидели кавалеристы, побывавшие в сражениях на Халхин-Голе. Шел последний акт «Очной ставки».

Предпоследняя сцена — в доме доктора близ западной границы. Повидимому, во времена Чехова Ручьев был начинающим врачом. Он спорит с дочерью Верой о хирургии и терапии. Мирное семейство. Жизнь, повидимому, скучновата. Совсем как у чеховских врачей... Можно даже, с натяжкой, правда, вообразить, что Ручьев — это состарившийся Дорн, жеманнившийся каким-то образом на Заречной... Роль жены Ручьева играет М. Л. Роксанова.

И вот в мирный дом Ручьева забред раненый диверсант Свицидский, только что стрелявший в пограничника.

Дочь Ручьева намерена немедленно сообщить о нем в погранотряд.

Но мать возмущена: «Сейчас он болякой и пришел за врачебной помощью, а ты хочешь его выдать. Стыдись, Вера».

Роксанова—Ручьева хочет охранить свой маленький дом от тревожных жизни. Она старается погасить неожиданно вспыхнувшие страсти и споры, но сама встревожена. Она быстро ходит взад и вперед по комнате, скользит вдоль серых стен в нервно возбуждении. Пальцы быстро бегают по спинкам стульев. В эту минуту она похожа — извините за прямолинейность — на большую испуганную птицу.

Но вот умирает пограничник, раненный диверсантом. Свицидский пытается бежать. Ручьева—Роксанова оказалась с ним лицом к лицу, больше в комнате сейчас никого нет.

В старой женщине нашлась вдруг отчаянная решимость: «Нет, не могу вас пустить. Вы меня извините. Но я не могу вас пустить».

Она преградила путь Свицидскому. Ничто не заставит ее сделать шаг в сторону. Она только повторяет без конца в первом возбуждении: «Вы меня извините».

Сил у Ручьевой немного. Свицидский взмахнул рукой, и старая женщина упала на под. Но она не отступила.

«Проходная» сцена сыграна как маленькая, но вполне законченная драма.

А вот и большая драма — история жены ростовщика Крутицкого. Тетушка я племянница — бедные люди. Крутицкий («Не было ни гроша, да вдруг алтын») заставил Анну Тихоновну (Роксанову) и Настю (Э. Гусева) собирать по городу подаяние для приданого племяннице. Анна Тихоновна, измученная жизнью с Крутицким, не способна уже протестовать, возмущаться. Она может лишь рыдать и себя свое горе. С высоко поднятой рукой, в которой зажата казенная бумага, она идет племянницу за подаянием, как на Голгофу. Плечи старухи изгибаются.

Потом Настя на последние гроши устраивает чай для повесы Бамбушнина, Финикины и Митячевы издеваются над тетушкой и ее племянницей, и Бамбушнин спасается бегством. Прием не удался.

Снова Анна Тихоновна и Настя остаются одни. Они ушли в кривячке. Белая старушечья рука закрывает высокий лоб. Тупое, полное отчаяние.

С решительностью сложенного горем человека Анна Тихоновна толкает Настю в омут. Ничего другого она придумать не может.

Но вот повесился Крутицкий, Настя неожиданно разбогатела, она теперь может приобрести Бамбушнина. Драма для всех кончилась комедией, кроме Анны Тихоновны. Ведь она только что толкала Настю на улицу — этот позор смыть с себя нельзя. И когда спектакль подходит к комедийному финалу, Роксанова—Крутицкая переживает другой финал — на лице ее ужас одинокой и бессмысленной старости. Роль доведена до логического конца. Анна Тихоновна у Роксановой — благородный, чистый, но сложенный человек.

И, наконец, веселая «Своя семья». Персонажи, о которых с сатирической злостью написано в «Горе от ума», здесь описаны с водевильной, иронической улыбкой. Солдафоны, невежды, ханжи. Натане, вышедшей тайно за гусара Любима, надо пойти в его семью — в семью людей чванливых, туповатых, вздорных. Одного она обманула, другому сумела понравиться, с третьим кое-как нашла общий язык — спасла молодость и жизнерадостия вера в себя.

И только старую бабушку не надо об-

манывать. Она отлично видит все предельки Натани, но ни в чем ей не мешает.

Узнав, что бабушка не возражает против женитьбы Любима, Натаня с восторгом бросается ей на шею: «Как вы добры!». Но бабушка отвечает:

«Ах нет, я и землю уж глижу... Тыс каждому, ангод мой, денечком дорожу»

И не хочу терять его в бражде, в досаде.

В этом веселом, шумном подходе Роксановой захотелось доказать, человека, многому научившегося у жизни; ее бабушка по добродушию, а умнее и лучше других членов «своей семьи». Натаня победила «семью» по-своему, бабушка — по-своему.

Роксанова—бабушка старательно вспоминает тизцы молодости, неуверенно ступая по сцене:

«Ну, истальте... Погодите, дай руку привую, пергисе со мной кругом.»

Купе вагона ДВ 344.

Захотелось побеседовать с М. Л. Роксановой об этих трех ее прозе и сильно сыгранных ролях, о театре, о жизненном пути. Но Мария Людомировна незаметно отстранила эти темы и взяла со столика дневник Фома, раскрытый на страницах, где описаны переговоры и Коммунистическом леу.

Заговорили о Париже и дни сражений на Марне (ей довелось тогда там побывать), о танковых атаках, о пакирующих бомбардировщиках.

— В молодости я, как и все люди моего поколения, пережила трагедию и позор русско-японской войны. Я не могла понять: почему, действительно, потерпел поражение такой великий, такой талантливый народ? Помню, на лицах солдат и видели то же недоумение, то же горькое размышление. Через тридцать пять лет и оказался на Дальнем Востоке. Я видела Красную Армию. Теперь и спокойна за нашу страну. В облике каждого красноармейца, каждого командира видна сложилась сила и гражданное достоинство. Отсюда и уеду с болью, потому что не легко расстаться с такими людьми. Но теперь и вновь — советскому народу на страницах войны. Он найдет победителем из всех сражений.

Вот наш прощальный разговор с М. Л. Роксановой. А об искусстве что ж? Мечта Чайки исполнилась — она отдала себя искусству.

Як. ВАРШАВСКИЙ

Н-ский гарнизон, Забайкалье.

Сов. искусство
17 авг. 1940

325